

Кажется, и вправду так, Шаран теперь говорит так чётко и рассудительно, — удивлённо произнесла Шэнь Цинжо.

Да, и этот взгляд — больше нет бывшего тупого и отрешённого выражения, — тщательно разглядывая Шэнь Цинжана, проговорил Шэнь Цинхэн.

Он действительно выздоровел, да? — дрожащим голосом спросила Нин-ши.

Мама, я выздоровел. Можно сказать, что на этот раз нет худа без добра.

Хорошо, раз выздоровел — значит, всё хорошо, раз выздоровел... — Нин-ши наконец-то вздохнула с облегчением. Раньше или позже, но Жань-гэру уже исполнилось девять лет, не пройдет и нескольких лет, как настанет время думать о женитьбе. Если бы он так и не поправился, она бы просто не знала, что и делать.

Угу, это точно, — улыбнулся Шэнь Цинжань, но тут же выражение его лица резко переменилось, стало мрачным, и он произнес: — Что касается того, что меня пытались задушить подушкой, на этот раз это сочтем за ничью. Но если в будущем кто-то вздумает снова к этому возвращаться, пусть не винит меня за жестокость.

Задушить тебя? — Нин-ши испуганно ахнула.

Да, эта бабка воспользовалась тем, что вы ушли на поиски еды, и попыталась задушить меня своими руками. Наверное, она убивала впервые, дело для нее непривычное, вот я и отделался тем, что просто потерял сознание, а не отдал концы окончательно, — с сарказмом произнес Шэнь Цинжань.

Услышав это, лица всех членов семьи сделались донельзя мрачными, каждого из них снедала ярость.

Зачем она это сделала?! — глаза Шэнь Чанъи покраснели, и капли слёз одна за другой покатались по щекам.

Зачем? Да ради чего еще! — всхлипывая, произнесла Нин-ши. — Мой Жань-гэр еще такой маленький, а матушка оказалась способна на такую жестокость!

Отец, не убивайся ты так, мы ведь все равно уже порвали с ними все связи, теперь они нам не помеха...

Шэнь Цинхэн произносил утешающие слова, но Шэнь Цинжань придерживался совсем другого мнения. С суровым выражением лица посмотрев на Шэнь Чанъи, он сказал: — Отец, на этот раз я не стану преследовать ее из уважения к вам. В следующий раз, надеюсь, вы точно так же встанете на нашу сторону.

Хорошо. — Шэнь Чанъи был полностью разочарован. Отец проявил бессердечие и разорвал с ними родственные узы, мать — и та оказалась способна поднять руку на собственного внука и попытаться убить его. Как после всего этого он мог сделать вид, будто ничего не произошло?

Он не мог!

Шэнь Цинжань удовлетворенно кивнул и с улыбкой продолжил: — Очнувшись на этот раз, я понял, что на самом деле вовсе не был слабоумным — просто большая часть моей души тогда улетела в другой мир.

Вот оно что, — понимающе кивнула Нин-ши. — Вообще-то, когда тебе было три года и ты оступился и упал в воду, один странствующий монах говорил нам об этом.

А? — на сей раз Шэнь Цинжань тоже изумился.

Прежде это было лишь его догадкой, но теперь, услышав слова Нин-ши, он понял, что происходящее вовсе не было случайным предположением.

Что же до того, почему он мог в это поверить... раз уж он сам смог переродиться в этом мире, то разве удивительно, что кто-то сумел предсказать подобный исход?

Тот монах говорил, что ты не просыпаешься потому, что твоя душа неполна, — продолжала Нин-ши. — Он мог вернуть Жань-гэря в себя, но предупредил, что в девять лет с тобой случится то же самое, что и сейчас, и ты снова впадешь в беспамятство.

Но теперь-то я проснулся.

И то верно, — улыбнулась Нин-ши. — Можно сказать, это испытание жизни и смерти миновало. Но тот монах... он говорил, что если ты пройдешь через это испытание, это будет означать, что в том мире ты умер. Это правда?

Шэнь Цинжань кивнул: — Я и в самом деле вернулся сюда только после того, как умер в том мире. Просто там я получил довольно тяжелые ранения, души срастались не сразу, поэтому я и очнулся так поздно.

Вот оно что. — Нин-ши с болью в сердце потрепала Шэнь Цинжаня по голове. — Довелось же натерпеться нашему Жань-гэру.

Не стоит об этом, — легко улыбнулся Шэнь Цинжань. — В том мире мне жилось очень хорошо и сытно, если не считать предательства в самом конце, из-за которого я погиб и которое до сих пор вызывает у меня злость, во всем остальном жаловаться не на что.

К тому же всё это уже в прошлом.

Нин-ши еще хотела о чем-то расспросить, но, судя по виду Шэнь Цинжаня, тот явно не горел желанием продолжать разговор, поэтому она воздержалась от расспросов и лишь утешила его: — Хоть мы с твоим отцом и люди бедные, но в обиду тебя не дадим, Жань-гэр, можешь не сомневаться.

И мы тоже, — улыбаясь, подхватили остальные.

Угу, я знаю, — прищурившись, счастливо улыбнулся Шэнь Цинжань.

Сколько бы времени он ни провел в современном мире, через сколько бы испытаний ни прошел, еще никогда он не испытывал такого глубокого чувства покоя. Словно птица, вернувшаяся в родное гнездо.

...

Кстати, а когда мы трогаемся в путь?

Как только забьют в гонг, сразу и выступим, — ответил Шэнь Чанъи.

Мы ведь пойдем на восток, верно? — неожиданно подал голос Шэнь Цинжань.

Домочадцы не поняли, к чему он клонит, но всё же кивнули и пояснили: — Все беженцы идут на восток.

Мы не пойдем на восток. Изменим маршрут и направимся на юг.

Почему? — Шэнь Чанъи озадаченно посмотрел на сына. — С какой стати на юг? Если только мы одни двинемся на юг, то неизбежно забьемся врозь с остальными. Что делать, если в пути случится беда?

После нескольких месяцев скитаний и бегства от бедствий путь вместе с односельчанами был самым надежным вариантом. Если же отправиться на юг в одиночку, не избежать опасностей, и в случае чего некому будет даже подать руку помощи.

Вы собрались на юг?

Шэнь Цинжань еще не успел ответить, как снаружи донесся чей-то голос, и все повернулись к вошедшему.

Шэнь Цинжань не знал вошедшего, поэтому не стал ничего говорить, а лишь молча сидел в стороне.

О, да это же шестой дядя! Мы еще ничего не решили, это Жань-гэр только что высказал такое предложение, — с извиняющейся улыбкой пояснил Шэнь Чанъи.

Шестой дедушка кивнул и, не придавая этому особого значения, продолжил: — Вообще-то, как раз только что у старосты тоже предлагали повернуть на юг. Говорят, дорога на восток сейчас плохая. Вот только большинство не хочет идти на юг, утверждают, будто южане не любят чужаков и с ними трудно поладить.

Да что толку говорить, будто на юге не любят чужаков, — заметил Шэнь Цинжань, — в других местах чужаков тоже не жалуют.

Шестой дедушка тяжело вздохнул: — Кто спорит?

На самом деле предложение идти на юг обоснованно, — продолжая смотреть на собравшихся, сказал Шэнь Цинжань. — На востоке слишком холодно. Говорят, там снег выпадает уже в начале осени, морозы лютые. Если и дальше идти прямо на восток сейчас, в начале осени, мы рискуем замерзнуть насмерть еще до того, как доберемся до места назначения.

Неужели всё так серьезно? — испуганно ахнул шестой дедушка.

Шэнь Цинжань кивнул: — Если не верите, можете спросить дядю Чжао, который промышляет сопровождением караванов. Уж он-то должен это знать.

Как раз дядя Чжао об этом и предупреждал, но его никто не послушал, — мрачно произнес шестой дедушка.

А если на север? — спросил Шэнь Чанъи.

Шэнь Цинжань покачал головой и тут же отверг этот вариант: — Туда тоже нельзя, там тоже холодно. Кроме того, северные земли близко к столице. Никто не знает, каково сейчас положение дел в государстве, — того и гляди столкнешься с каким-нибудь чиновником, который ради каких-то своих целей решит перебить беженцев, чтобы скрыть правду от императора.

Что же до движения на юг: во-первых, от самого Западного двора и на восток всё на пути, что можно было съесть, уже давно подчищено. Мы и так едва доплелись досюда, а уже питаемся древесной корой да листьями. Если двинемся дальше на восток, то, пожалуй, либо замерзнем, либо умрем от голода.

Во-вторых, из-за огромного скопления беженцев неизбежна страшная путаница. Ради куска

еды люди готовы грабить и убивать, и это вовсе не пустые страхи. Продолжим путь на восток — и мы непременно столкнемся с подобным.

<http://bllate.org/book/18876/1842951>